

*Моей матери
За твою любовь, за все*

*Моему отцу
За то, что никогда не покидал меня,
даже когда тебя не стало*

*и Марко,
Без которого все это было бы невозможно*

«...даже по смерти мы оставаться должны на
бесславные песни потомкам».

«Илиада», Гомер¹

«Горе земле, осеняющей крыльями по ту сто-
рону рек Ефиопских».

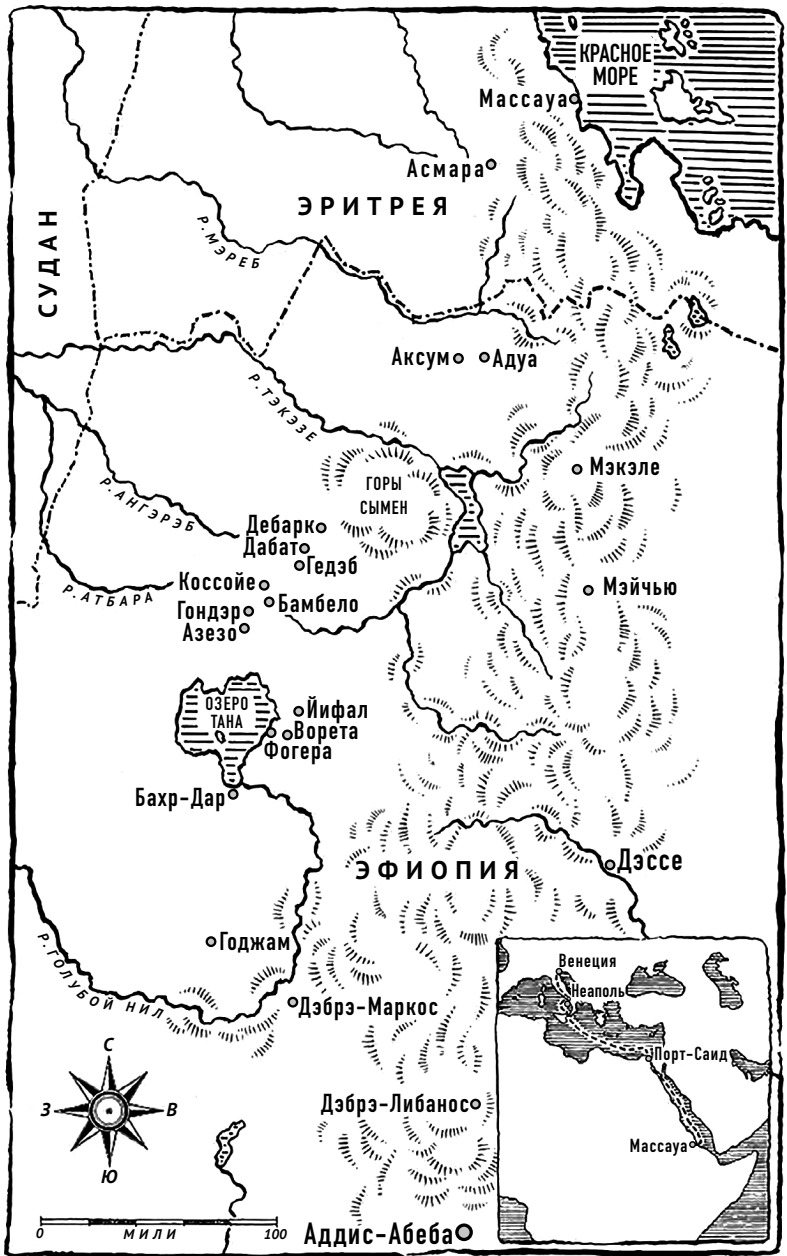
Книга пророка Исаии, глава 18, стих¹

«Кто из богов тебе
В горький дар, дева, дал? Ужас
Кто выкликать в бреду нудит плен этих уст,
Стройный мешая лад с воплями? Кто вдохнул
Яростный в перси вихрь?»

«Агамемнон», Эсхил²

¹ Перевод Н. Гнедича

² Перевод В. Иванова

Пролог
ОЖИДАНИЕ

1974

Она не хочет помнить, но она здесь, и ее память собирает кости. Она пешком и на автобусе добралась до Аддис-Абебы, идя по земле, о которой почти сорок лет не желала вспоминать. Она пришла на два дня раньше, но она дождется его, будет сидеть на земле в этом уголке вокзала, держа на коленях металлическую коробку, прижавшись спиной к стене, неподвижная, как часовой. На ней выходное платье. Волосы у нее приглажены и сплетены в аккуратные косички, она постаралась спрятать длинный шрам, который уродует ее шею у основания и проходит по плечу, будто сломанное ожерелье.

В коробке его письма, *le lettere, ho sepolo le mie lettere, e il mio segreto, Hiruit, anche il tuo segreto*¹. Секрет, секрет, *меестир*². Ты должна сохранить их для меня до нашей новой встречи. А теперь иди. *Ватене*.³ Пospеши, пока они тебя не схватили.

Здесь вырезки из газет, на которых стоят даты того времени, когда длилась война между ее страной и его. Она знает, что он уложил их по порядку: с самого начала, в 1935 году, почти до самого конца, в 1941-м.

В коробке ее фотографии, которые он снял по приказу Фучелли и подписал своим аккуратным почерком: *una bella*

¹ Письма, письма, которые я зарыл, и мой секрет, Хирут, твой секрет тоже (*ит.*).

² Секрет (*амхар.*).

³ Иди (*амхар.*).

ragazza. Una soldata feroce¹. А еще те фотографии, которые он снял по собственному желанию, мгновения, выхваченные из жизни молодой испуганной женщины, какой она была в той тюрьме за колючей проволокой, запертой в тех ужасающих ночах, от которых она никак не могла освободиться.

В шкатулке множество мертвецов, которые вопиют о воскресении.

Она пять дней добиралась до этого места. Пробивалась через пропускные пункты и нервных солдат, мимо испуганных деревенских жителей, которые шептались о грядущей революции и ожесточенных студенческих протестах. Она смотрела на шествие молодых женщин с поднятыми кулаками, вооруженных винтовками: они прошли мимо автобуса, который доставил ее в Бахр-Дар. Они посмотрели на нее — стареющую женщину в длинном непривлекательном платье, словно никогда не видели тех, кто пришел в эту жизнь перед ними. Словно женщина впервые брала в руки оружие. Словно земля под их ногами не была завоевана некоторыми из величайших воинов, каких знала Эфиопия, женщин, носивших имена Астер, Нардос, Абебех, Тседале, Азиза, Ханна, Меаза, Аинадис, Дебру, Йодит, Илилта, Абеба, Кидист, Белаинеш, Мескерем, Нуну, Тигист, Тсе-хаи, Мекбиб, Саба, и женщины, которую называли просто кухарка. Хирут произносила имена тех женщин, пока мимо шли студенты, и каждое из этих имен возвращало ее назад во времени, пока она не оказалась снова на растерзанной земле, где задыхалась в пороховом дыму, захлебывалась едкими ядовитыми парами.

Она вернулась в автобус, в настоящее время, только когда какой-то старик, севший рядом с ней, ухватил ее за предплечье: «Если Муссолини не смог избавиться от императора, то что о себе возомнили эти студенты?» Хи-

¹ Прекрасная девушка. Свирепый солдат (*ит.*).

рут отрицательно покачала головой. Она качает головой в настоящем времени. Она проделала такой долгий путь, чтобы вернуть эту коробку, чтобы избавиться от ужаса, непрошено возвращающего ее назад. Она приехала, чтобы отдать этих призраков, прогнать их. У нее нет времени на вопросы. Нет времени поправлять произношение старика. Одно имя всегда тащит за собой другое, ничто не путешествует в одиночку.

Снаружи через пыльное окно вокзала в Аддис-Абебе пробивается, словно кулак, луч солнечного света. Он обволакивает ее голову теплом, поднимает ее на ноги. В помещение проникает ветерок. Хирут поднимает взгляд и видит входящую внутрь молодую женщину, одетую на манер *ференджи*¹. В руке у женщины выдавший виды чемодан. За ней поднимается город. Хирут видит длинную грунтовую дорогу, которая ведет назад — в центр города. Она видит трех женщин, несущих на головах связки дров. Там, сразу же за развязкой, идет процессия священников, а в 1941 году там шли воины, и она была одной из них. Плоская металлическая коробка длиной с предплечье холодит ее колени, тяжело, словно умирающее тело, лежит на ее животе. Она слегка меняет положение, проводит пальцами по кромкам металла, жестким и заостренным, притупившимся от времени.

Где-то в одной из щелей этого города уже два дня ждет встречи с ней Этторе. Он сидит за своим столом в тусклом свете маленького кабинета, сторбился над одной из своих фотографий. Или сидит на стуле, в том же свете, что заливает ее ноги, смотрит в сторону своей Италии. Он считает время, они оба с нетерпением ждут назначенного дня. Хирут смотрит на залитый солнцем городской пейзаж, проникающий внутрь через распахивающиеся двери. Когда двери начинают закрываться, она затаивает дыхание.

¹ «Иноземный», «чужестранный» в ряде африканских языков.

Аддис-Абеба сужается до размеров щели и исчезает из зала. Этторе горбится и погружается в темноту. Когда двери закрываются наконец полностью, она снова остается одна, сжимая коробку в этом гулком зале.

Она ощущает первые нити знакомого страха. Я Хирут, напоминает она себе, дочь Гетеи и Фасила, родилась в благословенный год урожая, возлюбленная жена и любящая мать, солдат. Она вздыхает. Таким долгим был ее путь сюда. Он занял почти сорок лет иной жизни, прежде чем она начала вспоминать, кем была когда-то. Путешествие в прошлое началось вот так: с письма — первого письма в ее жизни.

Sara¹ Хирут, мне сообщают, что я наконец-то нашел тебя. Мне сказали, что ты замужем и живешь в одном из таких мест, которые слишком малы, чтобы их обозначали на карте. Этот посланник говорит, что знает твою деревню. Он говорит, что доставит это письмо тебе и привезет мне послание от тебя. Прошу тебя, приезжай в Аддису. Скорее. Тут волнения, и все иностранцы должны уехать. Мне некуда уезжать — только в Италию. Сообщи мне, когда встретить тебя на вокзале. Будь осторожна, они восстали против императора. Пожалуйста, приезжай. Привези шкатулку. Этторе.

Дата стоит не по эфиопскому летоисчислению, а на манер *ференджи*: 15 апреля 1974 года.

Дверь открывается снова, и на сей раз появляется один из солдат, которых она видела по пути в этот город. Молодой человек, на плечах которого в зал проникает городской шум. Новая винтовка небрежно висит у него сзади. Форма на нем без пятнышка, нигде не порванная. На ней нет грязи, и она ему впору. Глаза у него слишком любознательные

¹ Дорогая (*ит.*).

— выдают то, что на его руках никогда не умирал товарищ по оружию, движения у него слишком резкие — говорят о том, что он никогда не знал настоящей усталости.

«Земли фермерам! Революционная Эфиопия!» — кричит он, и воздух покидает помещение вокзала. Он с детской угловатостью поднимает винтовку, осознавая, что все взгляды устремлены на него. Он показывает на фотографию Хайле Селассие над входом. «Долой императора!» — кричит он, размахивая своей винтовкой чуть не во всю ширь испуганного вокзала.

Зал ожидания переполнен людьми, которые хотят покинуть взбунтовавшийся город. Они набирают воздуха в легкие и подаются подальше от мальчика в форме, торопящегося стать мужчиной. Хирут смотрит на фотографию с изображением императора Хайле Селассие: благородный, с тонкими чертами человек смотрит в камеру, мрачный и величественный в своей военной форме и медалях. Солдат тоже смотрит на фотографию, делать ему нечего, только слышать эхо собственного голоса. Он неловко меняет позу, потом разворачивается и бежит в дверь из здания вокзала.

Мертвецы пульсируют под крышкой. До этого они начинали бунтовать, но отступали под напором ее ярости, уступая место стыду, который до сего времени парализует ее. Она теперь слышит, как они говорят ей то, что она знает и без них:

Настоящий император этой страны находится на своей ферме, обрабатывает крохотный клочок земли рядом с ее участком. Он никогда не надевал корону, живет один и не имеет врагов. Он тихий человек, который когда-то вел народ против стальных чудовищ, а она была его самым надежным солдатом: гордым воином Царской Тени. Скажи им, Хирут. Другого случая тебе не представится.

Она слышит, что мертвецы все громче возвышают голоса: Нас должны выслушать. Нас должны помнить. Нас должны знать. Мы не упокоимся, пока нас не оплатят.